

Д.Г. Мионов

Учение А. Майнонга о предположениях*

Мионов Дмитрий Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: d-21312556@yandex.ru

В статье проясняются основания, в силу которых А. Майнонг расширяет классификацию психических феноменов, предложенную Ф. Brentano, и располагает между классами представлений и суждений класс предположений. Акты предположения Майнонг понимает как пропозициональные акты, специфика которых состоит в том, что они лишены утвердительной силы или момента серьезности, характерного для актов суждения. Невозможность редукции актов предположения к актам представления Майнонг демонстрирует на примере отрицательных предположений: схватываемые в таких предположениях отрицательные характеристики предметов не улавливаются представлениями. Демонстрируется, что выдвинутое в ответ на этот аргумент Майнонга учение Brentano и Марти о модусах представления не позволяет защитить тезис о сводимости предположений к представлениям: даже с помощью нового понятия представления не удастся без искусственных усложнений объяснить такие феномены, как игра, притворство и ложь. Далее в статье обсуждаются некоторые детали семантического учения Майнонга, необходимые для ответа на вопрос об отличии предположений от суждений. Указывается на особенность понимания Майнонгом значения слов и предложений, дается краткая характеристика учения об объективах. После сделанных пояснений обсуждается аргумент, позволяющий Майнонгу обосновать отличие актов предположения от актов суждения. Аргумент выстраивается как последовательный анализ предложений, задача – показать, что предложения разных видов, и простые, и нагруженные придаточными, и сложносоставные, в разных обстоятельствах выражают пропозициональную установку, лишенную утвердительной силы.

Ключевые слова: предположение, суждение, представление, объектив, пропозициональная установка, предложение, школа Ф. Brentano, А. Майнонг

Цель нашей статьи – прояснить аргументы, с помощью которых А. Майнонг доказывал, что акты предположения должны пониматься как самостоятельный класс психических феноменов, несводимых к комбинациям из актов представлений и актов

---

* Статья написана на базе Института философии РАН при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 20-18-00161: «Алексиус Майнонг и австрийская философия XIX – нач. XX вв.: основные идеи и позднесcholasticкие корни».

суждений. В статье три части. В первой части обозначается проблема, во второй части рассматриваются аргументы, позволяющие Майнонгу показать отличие предположений от представлений, в третьей части кратко обсуждается теория значений Майнонга и приводятся основания, в силу которых он отличал предположения от суждений.

Введение: постановка проблемы

В школе Brentano тема классификации психических феноменов и прояснения характерных особенностей ментальных актов была одной из наиболее важных: дескриптивная психология задумывалась как дисциплина, позволяющая прояснить основания отдельных наук, и существенным шагом на пути к такой дисциплине становилось определение типов психических феноменов (прежде всего, типов когнитивных актов). Сам Ф. Brentano еще в «Психологии с эмпирической точки зрения» (1874 г.) различал три базовых класса психических феноменов: класс представлений, класс суждений и класс эмоциональных и волевых актов («феноменов любви и ненависти») [см.: Brentano, 1971, S. 28–37]. Уже в первом издании работы «О предположениях» (1902 г.) Майнонг предложил дополнить эту классификацию и включить в число базовых такие акты, как предположения (Annahmen). Предположения, согласно Майнонгу, оказываются «областью психических фактов, расположенной между актами представления и актами суждения» [Meinong, 1902, S. 1]. Brentano считал, что акты представления – базовые акты сознания, над которыми надстраиваются все без исключения остальные акты. Представляя, субъект просто осознает объект, имеет этот объект перед собой. В актах суждения субъект уже занимает в отношении к объекту некоторую установку: представленный предмет либо принимается, либо отвергается. В 1902 г. Майнонг обнаружил, что установка, которую в актах суждения занимает субъект, достаточно сложна и вовсе не столь «монолитна», как полагал Brentano. Вынося суждение о предмете, субъект заодно формирует какие-то убеждения. Но как быть с такими случаями, когда, например, в целях проверки силлогизма на корректность посылки и заключение просто принимаются, но не признаются за истинные (т.е. убеждение в их истинности не формируется), или когда как-то оцениваются герои литературных вымыслов (формируется своего рода «фиктивное убеждение»)? И в таких случаях совершается некоторая интеллектуальная работа, и в таких случаях делается (и создается) нечто большее, чем простое представление предметов; согласно Майнонгу, особенность таких случаев заключается в том, что переживания, которые здесь могут быть атрибутированы субъекту, лишены момента «убежденности» или «серьезности»: о субъекте можно сказать только то, что он как будто бы выносит суждения. Такое «как будто бы» Майнонг предлагает рассматривать как указание на особый характер ментального переживания: переживание такого типа по содержанию вполне совпадает с соответствующим ему актом суждения, но отличается от этого акта модусом «несерьезности». Поясним на еще одном примере. В целях какой-то физической демонстрации я предполагаю, что вечный двигатель существует. Какой акт я совершаю? Это не акт суждения, так как я, как и мои коллеги физики, убежден в том, что вечный двигатель не существует, и я лишь «притворяюсь», что собираюсь осуществить референцию к какому-то объекту. Но при этом можно сказать, что содержание моего акта – не просто «вечный двигатель»; речь должна идти о некоторой «пропозициональной установке» – я предполагаю, «что вечный двигатель существует».

Для обоснования того, что акты предположения составляют особый класс психических феноменов, Майнонг применяет двойную стратегию: во-первых, он подробно анализирует те случаи, которые интерпретировались в школе Brentano как

примеры деятельности по представлению предметов, и показывает, что эти случаи естественнее было бы интерпретировать как деятельность по предположению предметов; во-вторых, он анализирует различные по своей форме предложения и демонстрирует, что выражаемая в них пропозициональная установка не всегда должна интерпретироваться как суждение (а в тех случаях, когда деятельность субъекта интеллектуальна по своему характеру, установка, не оказавшаяся суждением, должна пониматься как предположение). Мы последовательно рассмотрим: сначала – аргументы, с помощью которых Майнонг пытается противопоставить акту представления акт предположения, затем – основания, в силу которых Майнонг отличает акт предположения от акта суждения.

Обоснование того, что акты предположения отличаются от актов представления

В своей рецензии на книгу Майнонга «О предположениях» Б. Рассел несколько раз подчеркивал, что не видит в предположениях некоторую особую установку и понимает их как такие представления, предмет которых – пропозиция (или «объектив», в терминологии Майнонга) [см.: Russell, 1983, p. 445, 448, 456–458]. Оценка Рассела ясно свидетельствует о том, что он не признал в предположениях важный для Майнонга момент – интеллектуальный характер этих актов. В предположениях мы находим пример таких установок, которые могут оцениваться как корректные или некорректные и в отношении к которым имеет смысл спрашивать «Почему?..» («Почему ты предположил, что дело закончится именно так?»). Предположения, в отличие от представлений, требуют того, чтобы у субъекта имелась в запасе какая-то совокупность суждений и других предположений («Принцип неограниченной свободы предположений», о котором Майнонг говорит в §60 «О предположениях», до некоторой степени ограничен – если имеются какие-то предположения, то я не свободен предполагать то, что вступало бы с имеющимися предположениями в противоречие [Meinong, 1910, S. 346]). То, что в случае с представлениями дело обстоит иначе, можно понять хотя бы из того, что вопрос «Почему?..» («Почему ты воспринимаешь стол как зеленый?») в ситуации, которую Майнонг называет «представлением восприятия», не применим [см.: Donato-Rodríguez, 2016, p. 154–157].

Примечательно, что немецкоязычные критики Майнонга, пытаясь сделать границу между представлением и предположением менее четкой, «интеллектуализировали» (или «усложняли») представления. Так, Керлер, основываясь на рассуждениях Гуссерля, представленных в «Логических исследованиях», подчеркивал, что в случае «простых представлений (*bloße Vorstellungen*) не может идти и речи о пассивном, похожем на чувство, интенциональном отношении, но и здесь действуют акты соотношения, синтезирования, толкования» [Kerler, 1911, S. 122]. Марти, один из наиболее верных учеников Brentano, указывал на то, что представление несколько сложнее, чем казалось Майнонгу: надо различать представление *in modo recto* и представление *in modo obliquo* [см.: Marty, 1906, S. 29]. Подобные усложнения «простого» феномена представления позволяли Brentano и его наиболее верным ученикам (Марти, Краус) сохранить трехчленное деление психических феноменов и отразить аргументы, с помощью которых Майнонг пытался такое деление модифицировать.

Первый (и достаточно показательный) аргумент, который приводит Майнонг, состоит в демонстрации того, что во всех случаях, когда мы имеем дело с какими-либо отрицаниями (отрицание существования, отрицательные характеристики), требуются «пропозициональные акты» и что отрицательных представлений, строго говоря, нет («Отрицание никогда не может быть делом актов представления»

[Meinong, 1910, S. 9]). Прежде всего, надо, согласно Майнонгу, обратить внимание на предметную специфику того акта, в котором схватывается отрицательный предмет. Когда утверждается, что имеется представление (чего-то) не-красного, то утверждается не просто то, что имеется представление (чего-то) красного; к схваченному предмету добавляется некоторый момент, на который в повседневной речи мы пытаемся указать с помощью частицы «не-». Вопрос, который в несколько шагов рассматривает Майнонг, заключается в том, способны ли мы действительно ухватить в представлении этот отрицательный момент?

Майнонг делит представления на несколько групп. Первую группу образуют «представления восприятия» (например, представление (чего-то) красного или (чего-то) зеленого). Во вторую группу входят «продуцированные представления» или «представления высшего порядка» (например, представление отличия красного от зеленого). Представления и первой, и второй группы могут быть воспроизведены; однако, подчеркивает Майнонг, способ схватывания предметов у воспроизведенных представлений не будет отличаться от того способа, который характерен или для представлений восприятия, или для представлений высшего порядка.

Обратимся теперь к случаю представлений восприятия. Можно ли воспринять отрицательный предметный момент? Ответ, согласно Майнонгу, может быть только одним: нет, нельзя. В тех случаях, когда нас просят представить предметы, выступающие значениями отрицательных по своему смыслу слов («Представь нож без клинка», «Представь негромкий звук»), мы представляем какие-то «положительные» предметы (соответственно, рукоять ножа и тихий звук). Иначе говоря, просьба представить «отрицательные» предметы (в терминах Гуссерля, исполнить значение слов, включающих в свой состав отрицания) в действительности не предполагает возможность восприятия таких предметов; скорее возможность восприятия каких-то «положительных» предметов находит себе несколько витиеватое выражение в языке.

Случай продуцированных представлений сложнее. Как образуется представление, которое выражают в словах «похожий на А»? Во-первых, требуется представление о самом А. Во-вторых, требуется представление о каком-то другом предмете (например, Y). Далее, на основании операции над этими представлениями, которую называют сравнением А и Y, порождают представление, выражаемое как «Y похож на А». И из этого порожденного представления уже при помощи операции абстрагирования производят представление, называемое «похожий на А». Образование такой мысли, которая выражается как «Не-А», можно было бы объяснить по аналогии с тем, как образуется представление, выраженное словами «похожий на А». Можно рассуждать так. Мысль об отрицательном предмете я не могу образовать, имея в своем распоряжении только тот предмет, который отрицается. Помимо представления об А у меня также должно иметься представление о некотором X. Имея в своем распоряжении эти два представления, я могу высказать отрицательное суждение вида «Некоторое X не есть А». И далее с помощью операции абстрагирования я могу перейти к абстрактной мысли «нечто, которое не есть А», а затем собственно к «Не-А».

В свете приведенной аналогии отрицательный предмет предстает «фундированным предметом», который схватывается в «продуцированном представлении». Положение дел можно было бы представить в целом так: всегда, когда с помощью определенной операции над несколькими представлениями производится новое представление, предметы «продуцирующих» представлений служат фундаментами для предмета «продуцированного» представления, который также называется «фундированным» предметом [ibid., S. 15]. Однако, спрашивает Майнонг, насколько полна аналогия? Можно ли отрицательный предмет интерпретировать как предмет высшего порядка?

Чтобы ответить на вопросы, Майнонг предлагает нам обратить внимание на характер связи между «фундированным» предметом и его фундаментами. Связь между ними необходимая: красное и зеленое с необходимостью различаются, 3 с необходимостью больше 2, и так далее. Конечно, можно обнаружить такие отрицания, которые значимы с необходимостью: равенство между красным и зеленым отрицается с той же необходимостью, с какой утверждается различие. Но точно так же можно обнаружить отрицания, которые не-необходимы: в том, что камень, брошенный вверх, не движется дальше вверх, не больше необходимости, чем в том, что он движется вниз. Поскольку в самом предмете «Не-А» нельзя обнаружить и малейшего элемента необходимости, предмет этот нельзя, согласно Майнонгу, трактовать как некоторый *Superius*, предмет фундированный.

Однако если показано, что отрицательный предмет (и характерный для него отрицательный момент) не может быть предметом ни представления восприятия, ни представления высшего порядка, и если воспроизведенные представления ничего существенного в способ схватывания отрицательного момента не привносят, то тем самым доказан исходный тезис Майнонга: «Отрицание никогда не может быть делом актов представления».

Вернемся теперь к тем усложнениям, которые Brentano и Marti внесли в акт представления. Marti в своем ответе на первое издание «О предположениях» пытался показать, что не обязательно допускать особый класс ментальных феноменов для объяснения возможности образования отрицательных понятий; достаточно различать модусы представления. Например, если я представляю человека, который верит в троллей, то необязательность для меня самого верить в троллей может быть прояснена тем обстоятельством, что человека этого я представляю «прямо», а то, что он представляет «прямо», я представляю «косвенно», постольку, поскольку у меня есть представление о предметах убеждений данного человека. В применении к «отрицательным» предметам это различие в модусах представления сводится к следующему: когда у меня есть представление (некоторого) «Не-А», представление мое должно интерпретироваться как косвенное, и оно должно интерпретироваться как прямое, если речь идет о том, что у меня есть представление о человеке, который высказывает отрицательное суждение вида «Нечто не есть А» [Marty, 1906, S. 32–33; см. также: Richard, 2017, p. 229–230].

Объяснение, предложенное Marti, Майнонг находил неестественным. Чтобы продемонстрировать это, он во втором издании «О предположениях» несколько дополнил анализ такого феномена, как ложь. Анализ феномена лжи предшествует анализу феноменов игры (игры детей и взрослых, в том числе актерская игра). Для игр всех видов характерна такая установка субъекта, которая выражается словами «как если бы». Играющий ребенок «выдумывает» свойства, которыми наделяет себя и своих окружающих, придумывает ситуации, где эти свойства могли бы быть реализованы, и затем, пока продолжается игра, действует так, как если бы он верил в свою выдумку, хотя, как утверждает Майнонг, ребенок далек от того, чтобы смешивать выдумку и реальность [Meinong, 1910, S. 111]. Схожим образом Майнонг интерпретирует актерскую игру: актер «помещает себя на место другого», действует на сцене так, как если бы он сам был изображаемой персоной и жил в предложенных обстоятельствах. Момент «как если бы» указывает на то, что субъект «переключает» свои установки, и это «переключение» установок, согласно Майнонгу, невозможно было бы объяснить, если бы из рассмотрения исключались акты предположения.

Феномен лжи отличается от феноменов игры тем, что лжец имеет особое намерение – обмануть. Тот, кто хочет обмануть, не верит в то, видимость веры во что он хочет породить в других; лжец сам не высказывает тех суждений, которые он хочет внушить другим. Эти обстоятельства иногда выражают так: «Лжец говорит не то,

что думает». Майнонг предлагает несколько скорректировать это утверждение: лжец не верит в то, о чем говорит, но лжец думает о том, что говорит (его слова – не субъективная бессмыслица). Лжец говорит так, как если бы его слова выражали его убеждения. Действия лжеца находят естественное объяснение тогда, когда из рассмотрения не исключаются акты предположения.

В объяснении, которое предлагают Brentano и Marti, особый акцент делается на намеренности действий лжеца. Если А намеревается что-то внушить Б, то для достижения своей цели этот А должен представить Б как высказывающего нужное ему суждение. Сложность такой задачи заметна даже тогда, когда речь идет о «единичной» лжи. Нашему А надо не просто представить Б как высказывающего суждение, надо также детализировать представление, отличить (косвенно) представляемое суждение от множества всех других суждений. И задача еще более усложняется, если А плетет «паутину лжи». Кроме того, А неожиданно для себя может поверить в собственную ложь, и такой незаметный переход от «простого представления» к суждению сложно объяснить в терминах Brentano и Marti. Объяснение, предлагаемое Майнонгом, более естественно: лжецу, который хочет сплести паутину лжи, достаточно поместить себя в положение человека, действительно верящего в то, что он говорит; и поверить в собственную ложь такому лжецу тем более проще, что по предмету (и по содержанию, но не по акту) предположение не отличается от соответствующего ему суждения.

Предложенная Майнонгом интерпретация феномена игры и связанного с ним феномена притворства, безусловно, требует некоторого уточнения. Себастьян Ришар, например, обратил внимание на то, что игровое притворство включает в себе нечто большее, чем простое предположение, характеризуемое отсутствием момента «серьезности» или «убежденности»: притворяясь, мы действуем так, как если бы мы были убеждены, и потому скорее следует говорить о «квази-убежденности» или, ближе к терминологии Р. Ингардена, о «квази-суждении» [Richard, 2017, p. 224]. Примечательно в связи с этим, что в работе 1917 г. «Об эмоциональной презентации» Майнонг предложил различать предположения в зависимости от степени «силы убежденности» и близости к «полноценному» суждению: есть предположения, которые в высокой степени подобны суждениям (*urteilsartige Annahmen*), и есть предположения, которые в высокой степени отличаются от суждений и в силу этого менее заметны и требуют дополнительных усилий для анализа (*schattenhafte Annahmen*) [Meinong, 1968, S. 332–334]. О значении этого различия для анализа языка литературных произведений мы еще скажем ниже.

Отметим также другое обстоятельство: как доказывает Фредерик Крун, нечто, подобное учению Майнонга о предположениях, вполне могло бы понадобиться Б. Расселу для усиления теории дескрипций [см.: Kroon, 2006]. Дело в том, что в терминах игры и притворства Рассел мог бы предложить естественную логико-семантическую интерпретацию отрицательных экзистенциальных предложений, в которых определенная дескрипция, лишённая референта, дополняется идентифицирующей дескрипцией («Золотая гора, то есть та самая никак не находящаяся гора, о которой писал Смит в своей книге об искателях приключений, на самом деле не существует»). Любопытно, что Рассел действительно несколько изменил свою оценку учения Майнонга о предположениях. Он признал, что предположение не может быть представлением (пусть и имеющим своим предметом пропозицию), и в начале 1910-х гг. попытался разработать теорию познания, в которой важную роль играет «понимание пропозиции», т.е. когнитивное состояние, лежащее в основе всех пропозициональных актов и отличающееся от простого знания-знакомства как сложностью своего предмета, так и сложностью своей логической формы [см.: Russell, 1992, p. 105–110].

Аргументы, рассмотренные нами в этом разделе, должны продемонстрировать, почему, согласно Майнонгу, нужно отличать от актов представления акты

предположения. В следующем разделе мы приведем основания, в силу которых акты предположения Майнонг отличал от актов суждения. Но прежде мы обсудим предметные особенности таких актов. Из того, что говорилось выше, следует, что предположения, подобно суждениям, должны рассматриваться как особые разновидности пропозициональных установок, которым соответствуют особые – пропозициональные – предметы. Однако тема пропозициональных предметов важна для Майнонга не только в контексте классификации актов (дескриптивной психологии в целом), но и в контексте семантических исследований (теории значения).

Обоснование того, что акты предположения отличаются от актов суждения

Теория значения в понимании Майнонга оказывается частной областью теории предметов. Поскольку теория предметов всегда у Майнонга дополняется теорией актов, в которых предметы схватываются («теорией постигающих переживаний»), теория значения дополняется теорией выражения: слова, словосочетания, предложения, системы предложений языка рассматриваются как разного вида выражения психической жизни субъекта. Для представителей школы Brentano в целом отношение языка к мышлению – разновидность такого отношения, в котором чувственно воспринимаемый знак находится к психическим процессам, непосредственно постижимым только с помощью внутреннего восприятия. Поясним некоторые детали этого учения о языке на примере имен. Имена – это, прежде всего, знаки, обозначающие представления. Отношение знака и обозначаемого здесь – это когнитивное отношение: из наличия такого знака, как имя, компетентный носитель языка (слушающий) узнает о наличии некоторого представления, переживаемого другим компетентным носителем языка (говорящим). В школе Brentano за этим отношением закрепилось обозначение «извещение» (Kundgabe), хотя сам Майнонг предпочитал говорить о «выражении». С семантической точки зрения более важным будет другое отношение – то, в котором имя находится к тому, что оно «именует». Это отношение Майнонг называл «значением», однако такие представители школы Brentano, как К. Твардовский и Э. Гуссерль, предпочитали различать отношение «значения» и отношение «именования». Так, согласно Майнонгу, значением имени «число пять» будет число пять, согласно Твардовскому, – содержание представления числа пять, а согласно Гуссерлю, – понятие числа пять (идеальное значение). Заметим, что подобное расхождение не могло не повлиять на решения о допустимых семантических коррелятах языковых выражений. Имя «кентавр Хирон» не лишено значения, однако из сделанных Майнонгом допущений следовало, что должен иметься некоторый несуществующий объект, тогда как Гуссерль вполне мог обойтись и без таких предметов.

В работе «О предположениях» проблемы, связанные с несуществующими объектами, Майнонга не интересуют. Вообще, в сфере его интересов оказываются темы, связанные не с именами, а с такими фрагментами языка, как предложения. Вот некоторые из обсуждаемых им вопросов: чем предложения отличаются от простых последовательностей слов и словосочетаний? Каковы семантические корреляты предложений (или, ближе к формулировке Майнонга, – что является значением предложения)? В каких случаях последовательность предложений становится дедуктивной цепочкой? На эти вопросы Майнонг пытается ответить в терминах «объективов».

Один из основных тезисов, который Майнонг обосновывает в «О предположениях», сводится к тому, что синтаксической сложности предложений соответствует сложность семантическая, что выраженные в языке пропозициональные установки

имеют пропозициональное содержание. Этот тезис резко контрастирует с одним из основных тезисов Brentano, представленным уже в «Психологии с эмпирической точки зрения»: синтаксическая сложность предложений полностью объясняется интенциональной сложностью выражаемых с их помощью психических феноменов, никак не сложностью семантических коррелятов (иными словами, согласно Brentano, содержание пропозициональных установок по своему характеру ничем не отличается от содержания представлений, выражаемых именами и именными фразами). Главный недостаток семантической теории Brentano, согласно Майнонгу, состоит в том, что она не способна предложить корректную, интуитивно приемлемую интерпретацию тех предложений и словосочетаний, в которых извещаются отрицательные суждения и отрицательные понятия. Для объяснения характерных особенностей отрицательных понятий и суждений, выражаемых с помощью предложений вида «Небелые лебеди существуют», Brentano в середине 1880-х гг. разработал теорию «двойного суждения» [Brentano, 1971, S. 163–172]. Согласно этой теории, суждение, выраженное в предложении «Этот лебедь не является белым», имеет сложную, «двойную» интенциональность: над суждением о существовании определенного лебеда надстраивается суждение о том, что этот лебедь не существует как некоторый белый предмет. Поскольку посредством двойного суждения мы схватываем предмет как лишенный какой-то характеристики, рефлексия на такое суждение позволяет нам, согласно Brentano, образовать отрицательное понятие (предмета, который не является таким-то и таким-то).

Интересное развитие теория двойного суждения получила у Антона Марти. Марти предложил добавить к различию модусов акта суждения различие уровней суждения: некоторые суждения направлены не на объекты, а на сами суждения [Marty, 1908, S. 293; см. также: Vacigalupo, 2018, p. 256]. Суждение, выраженное в предложении «Все лебеди белые», согласно Марти, более корректно может быть выражено в предложении «Неправильно признавать существующим некоторого лебеда и полагать неправильным признание существования того же самого лебеда как чего-то белого». По мнению Джулиано Бачигалупо, теория двойного суждения Марти достаточно перспективна и позволяет выработать стратегию, защищающую теорию суждений Brentano от аргументов, показывающих невозможность отрицательных суждений. Один из наиболее известных аргументов в 1911 г. выдвинул А. Райнах: он показал, что противоположный к модусу утверждения модус отрицания приписывается актам суждения только потому, что полемические суждения, направленные на противоречивые к ним утверждения, смешиваются с теми суждениями, которые направлены на некоторое отрицательное положение дел [Reinach, 1989, S. 96–97, 132–134]. Бачигалупо, развивая «нео-брентанианскую» теорию суждений, предлагает отказаться от различения двух модусов акта суждения и дополнить понятие утверждения понятием (не-)правильности. В рамках такой теории понятие отрицания предлагается определять логико-семантически через понятие ложности, а эпистемологически – через понятие неправильности. На наш взгляд, ответ, который мог бы предложить Майнонг, заключается в указании на то, что само понятие неправильности требует объяснения. Правильность или неправильность суждений у Антона Марти объясняется учением о содержаниях суждений, т.е. учением об определенных пропозициональных предметах. Бачигалупо, пытаясь сохранить реистскую онтологию Brentano, предлагает смотреть на логику и эпистемологию как на нормативные дисциплины. Является ли для теории суждений эпистемологический нормативизм чем-то более приемлемым, чем онтологический плюрализм, – вопрос открытый и, безусловно, требующий отдельного рассмотрения.

Сам Майнонг уже в рецензии 1892 г. на книгу Ф. Хиллебранда «Новые теории категорических умозаключений» рассматривал учение о двойном суждении как ясное свидетельство искусственности теории суждений, предложенной Brentano

(и развиваемой, в частности, Хиллебрандом). В 1902 г. Майнонг показывал, что искусственных усложнений теории суждений можно избежать, если допустить, что отрицательный момент объясняется не только спецификой модуса интенционального отношения, но и некоторой особенностью постигаемых предметов. Поскольку предметы представлений исключительно положительны, то отрицательный момент может содержаться только в предметах каких-то надстроенных над представлениями актов. Способность таких предметов «включить в себя» отрицание, согласно Майнонгу, ясно показывает, что их сложность не может быть сведена к сложности предметов тех актов, которые выражаются именами и именными фразами, что они составляют отдельную предметную категорию.

Рассмотрим несколько разъясняющих примеров. Никто не будет спорить с тем, что благодаря суждению, сделанному по случаю парламентских выборов и выраженному в словах «Нарушение режима тишины (во время выборов) не произошло», мы «нечто» узнаем. Но каково это «нечто»? Безусловно, не то, что выражают слова «нарушение режима тишины». Правильно было бы сказать, что мы узнаем о том обстоятельстве, что никакого нарушения режима тишины не произошло. Что же, собственно, было нами познано? Некоторое «состояние дел», некоторая «фактичность», не оцениваемая в суждении, но посредством суждения выявляемая. То, что данное суждение выявляет, для другого суждения может стать объектом оценки. Так, мы можем утверждать: «То, что нарушение режима тишины не произошло, – это факт». Фактичность здесь приписывается именно тому предмету, который Майнонг называет «объективом». Другой пример. Как проинтерпретировать предметную особенность суждения вида «Установлено, что договоры пока не были заключены»? Утверждается, что нечто было установлено; но что именно? Очевидно, то, о чем идет речь в подчиненном (зависимом) предложении, начинающемся со слова «что». Подчиненное предложение выражает некоторое суждение, но, безусловно, не имеет своим предметом это суждение (говорящий имеет в виду договоры и все, что с ними связано, а никак не свое суждение об этих договорах). Нельзя сказать и того, что посредством суждения было установлено заключение договоров. Что же было установлено? То обстоятельство, что договоры не были заключены. Именно такое обстоятельство, о котором утверждается, что «оно было установлено», Майнонг предлагает называть некоторым объективом [см.: Meinong, 1910, S. 48].

Стоит отметить, что «объективы», как специфические предметы пропозициональных актов и как значения выражающих эти акты предложений, Майнонг трактует достаточно широко. В §14 работы «О предположениях», где он разъясняет мотивы, в силу которых вводит столь странный термин, указывается на то, что учение Больцано о «предложениях в себе» весьма приближается к учению об объективах [см.: *ibid.*, S. 99]. С точки зрения Гуссерля и представителей его школы (например, А. Райнаха – см.: [Reinach, 1989, S. 114]), Майнонг смешивает то, что следовало бы различать. Больцановские «предложения в себе» Гуссерль трактует как (идеальные) значения предложений, тождественные «идеальной материи» пропозициональных актов; именно такие «предложения в себе» оцениваются на истинность или ложность, именно они выступают *truthbearers*. От них надо отличать те предметные корреляты пропозициональных актов, в силу которых эти акты оцениваются как корректные; такие предметные корреляты – «положения дел» (*Sachverhalten*) – являются верификаторами предложений, *truthmakers*. То, что терминологически можно различать как пропозиции и факты, Майнонг объединяет в одном понятии объектива.

Одно из оснований, по которому Майнонг пришел к подобной «гибридной» теории, состоит в том, что учение об объективах во многом оказывается естественным продолжением учения Майнонга о предметах высшего порядка. Уже в первом издании «О предположениях» он обосновывал тезис: каждый раз, когда схватывается предмет высшего порядка (отношение или комплекс), заодно схватывается

и соответствующий ему объектив. В упомянутой нами рецензии 1892 г. Майнонг утверждал, что некорректна теория суждений, согласно которой формы категорических суждений можно без потерь свести к формам экзистенциальных суждений: в результате редукции формы «Некоторые S суть P» к форме «SP существует» утрачивается момент соотношения между субъектом и предикатом [см.: Meinong, 1892, S. 453–454]. В 1902 г. Майнонг приходит к выводу, что отношение между субъектом и предикатом не может быть представлено, что такое отношение может быть схвачено только с помощью суждения (или акта предположения). А в 1910 г., обобщая, Майнонг утверждает, что любой предмет (и предмет высшего порядка, прежде всего), поскольку он отличается от других предметов и постигается как тождественный самому себе, схватывается лишь потому, что он «стоит» в некоторых объективах. Но объективы, как Майнонг стремится показать (и как следует из приведенных выше примеров), не только структурируют наше мышление и определяют логическую форму предложений; они – предметы, с характерными для них особенностями, обладающие каким-то бытийным статусом. «Не-субъективность» объективов обсуждается Майнонгом именно в контексте обсуждения объективности предметов высшего порядка.

Детали учения Майнонга об объективах не могут быть рассмотрены в этой статье. Чтобы вернуться к главной теме, еще раз воспроизведем семантический тезис Майнонга: значением предложения является объектив; предложение выражает пропозициональный акт. То, что суждение – не единственный тип пропозиционального акта, Майнонг демонстрирует посредством анализа самых разных видов предложений. В ходе анализа доказывалась некорректность утверждения о том, что предложения являются такими фрагментами языка, которые предназначены только для того, чтобы выражать акты суждения.

Первый из рассматриваемых Майнонгом вид предложений – так называемые «независимые предложения». То, что не все независимые предложения выражают акты суждения, можно понять на примере предложений-вопросов. Предложение вида «Я спрашиваю, можно ли положиться на это высказывание» без каких-либо потерь может быть преобразовано в (независимое) предложение «Можно ли положиться на это высказывание?». Выражаемое с помощью этого предложения переживание не может интерпретироваться как суждение: спрашивающему недостает знаний, убежденности, – он желал бы прийти к суждению о предмете, обозначенном в вопросе. Отметим, что феномен вопроса Майнонг отдельно обсуждает в §18 работы «О предположениях». Специально исследуются такие вопросы, на которые даются «односложные» ответы, – «Да» или «Нет» (вопросы-подтверждения или вопросы-решения). В результате исследования Майнонг приходит к следующему выводу: тот, кто задает вопрос-подтверждение, делает в отношении к определенному объективу предположение, которое в зависимости от обстоятельств может быть утвердительным или отрицательным по своему характеру, и цель выражаемого в таком вопросе желания – перейти от предположения к ему соответствующему или же к качественно противоположному суждению.

Еще менее оправдывается тезис «Предложения выражают суждения» в случае зависимых предложений. Например, гид, предупреждающий туристов об опасности («Потеряете здесь равновесие – разобьетесь!»), не утверждает (и тем самым не выражает суждения о том), что когда-то на этом опасном участке горной тропы кто-то действительно потерял равновесие и разбился. Говоря: «Мой друг X придерживается того мнения, что проблема детерминизма и индетерминизма неразрешима», – я не выражаю в зависимом предложении свое суждение, поскольку вполне могу быть убежденным детерминистом.

Присмотримся теперь к «составным предложениям» особой формы – так называемым «гипотетическим» (условным придаточным) и «дизъюнктивным». Ни антецедент, ни консеквент гипотетического предложения не обязаны утверждаться, бо-

лее того, они вполне могут быть ложными. Распространенным знаком для такого положения дел часто служит конъюнктив: в дождливую погоду ничто не мешает сказать «Если бы стояла прекрасная погода, то можно было бы выбраться за город». Схожим образом можно понимать и дизъюнктивное предложение: человек, говорящий «Либо воздух остынет, либо дождливая погода продолжится», не обязан утверждать ни первый, ни второй дизъюнкт.

Сделаем небольшое уточнение: Майнонг не утверждает, что условные придаточные предложения никогда не выражают суждений, скорее его тезис заключается в том, что это не является их стандартной функцией. При определенных обстоятельствах, например, когда условное предложение содержит в себе модальный элемент, может быть выражено суждение (например, акт, в котором утверждается наличие отношения необходимости). Однако стоит подчеркнуть, что, согласно Майнонгу, никаких гипотетических *суждений* нет. Для обоснования этого тезиса Майнонг демонстрирует, что так называемые гипотетические суждения не проходят стандартный тест на «бытие суждением»: для любого (подлинного) суждения с помощью операции отрицания можно найти контрадикторную противоположность, однако для «гипотетических суждений» приемлемых контрадикторных противоположностей найти невозможно [Meinong, 1910, S. 197–206].

Гипотетическое предложение тесно связано с теми умозаключениями, которые делаются лишь по форме, без какого-либо учета правильности их «материи». Согласно Майнонгу, уже по самой схеме «А есть В, В есть С, потому А есть С» можно понять правильность силлогизма по модусу Barbara, никак не заботясь о корректности самих А, В и С. То, что переживается в этом случае, находит себе вполне адекватное выражение в гипотетическом предложении «Если А есть В и В есть С, то также А есть С». Выходит, что три предложения, способные в приведенной схеме занять место букв А, В, С, совсем не обязаны выражать какие-либо суждения. В силу таких соображений Майнонг предлагает трактовать гипотетическое суждение как «свернутое» умозаключение, посылки и вывод которого не утверждаются делающим умозаключение субъектом, а просто предполагаются (Annahmeschluss). Любопытно, что такая трактовка гипотетического суждения встретила разные по характеру возражения. Гуссерль не был согласен с эпистемологической стороной тезиса Майнонга: когда мы постигаем формальную правильность силлогизма, мы усматриваем то, что все посылки определенной формы приводят к заключениям определенной формы, и это не может быть выражено в гипотетическом предложении, но требует общего предложения (которое будет выражать общее суждение) [см.: Rollinger, 1996, p. 96–97]. С логической стороной тезиса Майнонга не был согласен Рассел: условное предложение выражает акт, в котором схватывается отношение следования между пропозициями, истинность которых может и не признаваться, тогда как настоящее умозаключение всегда предполагает признание истинности посылок [Stepanians, 1995, S. 418–422]. Заметим, что требование обязательной истинности посылок, которого придерживался Рассел, с современной точки зрения избыточно, если речь идет о проверке вывода на формальную правильность (отметим также, что Гуссерль скорее поддерживал учение Майнонга о Annahmeschlüsse).

Анализ предложений – не единственный способ, которым доказывается необходимость различать предположения и суждения. Майнонг исследует и более крупные контексты – собственно, те, где встречаются «фикции»: язык науки и язык литературных произведений. Учение Майнонга о предположениях позволяет прояснить некоторые детали споров рубежа XIX–XX вв. о природе и статусе гипотез в науке [см.: de Courtenay, 2010, p. 42–48]. С одной стороны, требовалось отличить гипотезы от аксиом, постулатов и принципов в физике: эвристическая ценность гипотез состоит в том, что они, как не прямые способы репрезентации исследуемых

феноменов, позволяют изучать новые или плохо известные области науки. С другой стороны, гипотезы оказывались чем-то большим, чем «непрямой репрезентацией», поскольку от простого описания в гипотезах переходят к объяснениям и постулированию «ненаблюдаемых объектов», свойства которых должны объяснять свойства наблюдаемых явлений. Нежелание некоторых физиков и теоретиков науки (например, Эрнста Маха и Вильгельма Оствальда) соглашаться с онтологическими обязательствами гипотез и их стремление остаться только на уровне непрямого описания Майнонг может интерпретировать как желание работать с одними чистыми предположениями и не переходить на уровень утверждений (или даже догадок) [см.: Meinong, 1910, S. 108–109].

Различение «чистых предположений» и предположений, в разной степени приближающихся к суждениям, как показывают Распа и Дёллинг [см.: Raspa 2001; Dölling, 2005, S. 149–150]), можно использовать в анализе литературных текстов. Майнонг, как мы уже указывали выше, в работе «Об эмоциональной презентации» различал «суждение-подобные» и «смутные» (*schattenhafte*) предположения. В применении к литературным текстам это различие можно разъяснить так: предложения, в которых выражаются суждение-подобные предположения, могут быть поняты вне контекста литературного произведения, тогда как предложения, в которых выражаются смутные предположения, не могут быть поняты независимо от контекста литературного произведения. Следующее предложение из «Пармской обители» может быть понято независимо от знания этого романа Стендаля: «Наполеон только что высадился в бухте Жуан», – и потому выраженное здесь предположение можно интерпретировать как «суждение-подобное». Напротив, предложение: «Графиня говорила [Фабрицио] об участии, ожидавшей Наполеона, с глубоким, страстным волнением» – требует некоторого знания романа (о какой графине идет речь и почему она так взволнованно говорила (некому Фабрицио) об участии Наполеона) и выражает «смутное» предположение. Степень «смутности» предположений может варьироваться и определяться «степенью зависимости» понимания предложения от знания контекста произведения. Заметим, что вариациям предположений на уровне акта можно сопоставить вариации на уровне предмета: в поздних работах Майнонга подробно развивается учение о «неполных» предметах и отношении «имплектированности» между ними.

Итак, последовательный анализ различных видов контекстов (предложений, прежде всего) позволяет Майнонгу показать, что имеется больше, чем одна пропозициональная установка. Дополнительными к актам суждения оказываются акты, лишённые своего рода «утвердительной силы», – предположения. Отметим, что предположения как состояния, в которых мы воздерживаемся от суждений, позволяют нам иметь дело с такими предметами, которые Brentano и его ближайшие ученики изгоняли в область фикций. Одним из неявных следствий расширения исходной Brentanovской классификации психических феноменов становится то, что «предубеждение в пользу действительного» разоблачается Майнонгом как наиболее вредное для подлинного научного исследования предубеждение. Кроме того, Майнонг получает возможность по-новому объяснить ту «игру воображения и рассудка», без которой не были бы возможны ни наука, ни искусство.

Список литературы / References

Bacigalupo, 2018 – *Bacigalupo G.* Towards a New Brentanian Theory of Judgment // *Grazer Philosophische Studien*. 2018. Vol. 95. No. 2. P. 245–264.

Brentano, 1971 – *Brentano F.C.* *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. Zweiter Band. Von der Klassifikation der psychischen Phänomene. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1971. 340 S.

de Courtenay, 2010 – *de Courtenay N.* The epistemological virtues of assumptions: towards a coming of age of Boltzmann and Meinong's objections to 'the prejudice in favour of the actual'? // *Studies in History and Philosophy of Science Part A.* 2010. Vol. 41. No. 1. P. 41–57.

Dölling, 2005 – *Dölling E.* „...dieser Umweg führt über sprachliche Ausdrücke, durch die sich Annahmen verraten“: Eine semiotische Sicht auf Meinongs Annahmenlehre // *Meinongian Issues in Contemporary Italian Philosophy* / Ed. by A. Schramm. Berlin, Boston: De Gruyter, 2005. P. 129–158.

Donato-Rodríguez, 2016 – *Donato-Rodríguez d. X.* Meinong's Theory of Assumptions and its Relevance for Scientific Contexts // *Existence, Fiction, Assumption: Meinongian Themes and the History of Austrian Philosophy* / Ed. by M. David and M. Antonelli. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. P. 141–174.

Kerler, 1911 – *Kerler D.H.* Meinong, A. v., Über Annahmen, 2. Aufl. // *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie.* 1911. Bd. 35. S. 121–128.

Kroon, 2006 – *Kroon F.* Russell's Descriptions and Meinong's Assumptions // *Modes of Existence* / Ed. by A. Bottani and R. Davies. Berlin, Boston: De Gruyter, 2006. P. 81–104.

Marty, 1906 – *Marty A.* Über Annahmen. (Ein kritischer Beitrag zur Psychologie, namentlich der deskriptiven.) // *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane.* 1906. Bd. 40. S. 1–54.

Marty, 1908 – *Marty A.* Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Erster Band. Halle a. S.: Verlag von Max Niemeyer, 1908. 764 S.

Meinong, 1892 – *Meinong A.* Rezension von: Franz Hillebrand, Die neuen Theorien der kategorischen Schlüsse // *Göttingische gelehrte Anzeigen.* 1892. No. 11. S. 443–466.

Meinong, 1902 – *Meinong A.* Über Annahmen. Leipzig: J.A. Barth, 1902. 298 S.

Meinong, 1910 – *Meinong A.* Über Annahmen. Zweite, umgearbeitete Auflage. Leipzig: J.A. Barth, 1910. 403 S.

Meinong, 1968 – *Meinong A.* Über emotionale Präsentation // *Alexius Meinong Gesamtausgabe* / Hrsg. von R.M. Chisholm, R. Haller und R. Kindinger. Bd. III. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1968. S. 283–476.

Raspa, 2001 – *Raspa V.* Zeichen, „schattenhafte“ Ausdrücke und fiktionale Gegenstände: Meinongische Überlegungen zu einer Semiotik des Fiktiven // *Zeitschrift für Semiotik.* 2001. Bd. 23. Hft. 1. S. 57–77.

Reinach, 1989 – *Reinach A.* Zur Theorie des negativen Urteils // *Reinach A. Sämtliche Werke: textkritische Ausgabe in 2 Bände* / Hrsg. von K. Schumann und B. Smith. München: Philosophia Verlag, 1989. S. 95–140.

Richard, 2017 – *Richard S.* Marty against Meinong on Assumption // *Mind and Language – On the Philosophy of Anton Marty* / Ed. by H. Taieb and G. Fréchette. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. P. 219–240.

Rollinger, 1996 – *Rollinger R.D.* Meinong and Husserl on assumptions // *Axiomathes.* 1996. Vol. 7. P. 89–102.

Russell, 1983 – *Russell B.* Meinong's Theory of Complexes and Assumptions // *Collected Papers of Bertrand Russell. Vol. 4: Foundations of Logic: 1903–05* / Ed. by A. Urquhart and A.C. Lewis. London, New York: Routledge, 1983. P. 431–474.

Russell, 1992 – *Russell B.* Theory of knowledge: the 1913 manuscript / Ed. by E.R. Eames. London, New York: Routledge, 1992. 248 p.

Stepanians, 1995 – *Stepanians M.S.* Russells Kritik an Meinongs Begriff des Annahmeschlusses // *Grazer Philosophische Studien.* 1995. Vol. 50. No. 1. S. 415–432.

Meinong's Theory of Assumptions*

Dmitry G. Mironov

History of Foreign Philosophy Dept., Philosophy Faculty. Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: d-21312556@yandex.ru

The article clarifies the reasons why A. Meinong expands the classification of mental phenomena proposed by F. Brentano and places the class of assumptions between the classes of presentations

* The article was written on the basis of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, project № 20-18-00161: «Alexius Meinong and Austrian Philosophy of the 19th – early 20th Centuries: Main Ideas and Late Scholastic Roots».

and judgments. Meinong understands acts of assumption as propositional acts, the specificity of which is that they lack the affirmative force or the moment of seriousness characteristic for acts of judgment. Meinong demonstrates the impossibility of reducing the acts of assumption to the acts of presentation on the example of negative assumptions: the negative characteristics of objects grasped in such assumptions are not captured by the presentations. It is demonstrated that the theory of modes of presentation put forward by Brentano and Marty in response to this argument of Meinong does not allow us to defend the thesis of the reducibility of assumptions to presentations: even with the help of a new notion of presentation, it is not possible to explain such phenomena as play, pretense and lies without artificial complications. The article goes on to discuss some of the details of Meinong's semantic theory that are in need for resolving the issue of the difference between assumptions and judgments. The author points out the peculiarity of Meinong's understanding of words and sentences meanings, and gives a brief description of the theory of objectives. After the explanations made, an argument is discussed that allows Meinong to justify the difference between acts of assumption and acts of judgment. The argument is constructed as a sequential analysis of sentences, the task is to show that sentences of different types, both simple, and loaded with subordinate clauses, and composite, in different circumstances express a propositional attitude devoid of affirmative force.

Keywords: assumption, judgment, presentation, objective, propositional attitude, sentence, school of F. Brentano, A. Meinong